

Исламмагомедов А.И.

**АНДАЛАЛСКОЕ СРАЖЕНИЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ
В БОРЬБЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ПРОТИВ НАДИР-ШАХА
(по этнографическим и фольклорным материалам)**

В истории народов Дагестана много примеров совместной героической борьбы против иноземных завоевателей. Одним из таких памятных событий стало сражение с войсками Надир-шаха Афшара на землях Андалалского общества. Разгром объединенными силами дагестанских народов войск шаха имел международное значение.

Осенью 1741 года войска Надир-шаха подошли со стороны Кумуха к селениям Андалалского общества, которое было в то время одним из самых больших в Дагестане. В него входили селения нынешнего Гунибского района с населением примерно в 15 тыс. человек. Оно имело обширные земли, из них пашню около 6 тыс. га. Каждая община, входящая в общество была самостоятельной общественно-хозяйственной единицей с установившимися формами и нормами межсельских отношений. Для регулирования этих отношений и укрепления единства общества был составлен на арабском языке предположительно в XVII «Свод решений, обязательных для жителей Андалалского округа». И первым пунктом в нем отмечена важность защиты своей земли, общества от чужого посягательства: с человека, не принявшего участия в тревоге, взыскивается штраф в размере быка, ему объявляли публичное общественное осуждение; Если же селение не примет участия в тревоге, то с жителей его взыскивается большой штраф. Адатами была предусмотрена забота о семьях погибших на войне или покалеченных - полное их обеспечение на себя брало общество.

Таким образом, андалалцы сохранение своей независимости и свободы рассматривали как, неперемное условие существования, и весть о приближении завоевателей всколыхнула всех жителей общества. Согласно преданиям, началось формирование отрядов – ополченцев в селениях, подготовка к тяжелой борьбе – горцы были наслышаны о силе Надир-шаха и его жестокостях. Были разосланы гонцы в другие общества с призывом прийти на помощь, объединиться против общего врага.

Перейдя перевал Варай, иранцы, как сказано в аварской историко-эпической песне «О разгроме Надир-шаха», установили шатры между Мегебом и Чалда (Турчидаг. Многие слово «Чалда» принимают за название селения, правильное название горы – Чалаад), пустили коней на обохские поля, зажгли огни в Бухты и Шитлибе. На плато Турчидаг, недалеко от скального обрыва стены над аулом Мегеб, есть большой холм с ровной вершиной, где был установлен шатер шаха. Место это называют «холм, на котором остановился Надир-шах». Расстояние от этого холма до сел. Мегеб по прямой около 2-х км.

Здесь необходимо сказать несколько слов о местности, где остановились иранцы и впоследствии произошло сражение. Это южный склон Турчидага длиной около 10 км и шириной 5, км с довольно крутым уклоном особенно в верхней части – от селений до скалы. Плато Турчидаг отделяет от склона высокая скальная стена, которая прерывается только в двух местах. На этом склоне довольно высоко расположены цепочкой три аула: Мегеб, Обох, Чох, внизу ближе к реке Цамти-чай находятся Шангода, Шитлиб, лакские Палисма, Камахал, Ури, а на высотах противоположного склона - Бухти, Согратль, Гамеутль. Здесь нет широкой долины, ровных больших полей для разворачивания конницы или большого отряда воинов. Это узкие террасы со скальными выходами, обрывами, ущельями, теснинами.

Андалалцы готовились к боям, но не хотели войны. Они отправили к Надир-шаху посла с просьбой уйти с их земель, но шах его убил и прислал своего человека с

требованием покориться, признать его власть, прислать продукты, коней, оружие, девушек. Хотя он передал грозное послание, «Гроза Вселенной» – как называли Надир-шаха – боялся этого сражения, он понимал, что горцы так легко не покорятся, все общества объединятся и поднимутся на священную войну (к этому призывали Ибну-Салман из Кудали, кадии андалалских селений, Ибрагим-Хаджи из Гидатля). В этом им поможет родная земля и непокорный дух независимого общинника. Доказательством этому служит то, что по прибытии в Андалал Надир-шах не напал на селения, не разграбил их, только «зажег огни» и ждал. Он знал, что его воины не слишком-то рвутся в бой, об их недовольстве, но уйти не решался – как никак он «непобедимый Надир-шах», уже дважды покоривший почти весь Дагестан, это был его третий поход в горы. Подошедшего к Андалалу, как сказано в песне, Надир-шаха поразило увиденное:

На подоблачных высотах,
Где одни орлы летают,
Видел он людей – андалалцев,
Чьим сердцам страх не известен.
Однако произнес весело:
Разве есть на белом свете,
Кто мог бы мне противиться?
Повелителю Вселенной.
Сокрушу я андалалцев,
Так что память о них исчезнет!

Понимая неизбежность сражения, андалалцы – представители джамаатов – собрались на совет. Здесь необходимо подчеркнуть, что высшая власть в Андалалском обществе принадлежала сходу (совету) представителей селений, об этом говорит и Свод адатов. Мнение некоторых историков, что Андалалское общество в XVII–XIX вв. управлялось кадием, является ошибочно. Для этого нет никаких оснований, нет документированных материалов. Все важные дела, касавшиеся всего общества, обсуждались на совете, и исполнение его решений было обязательным для всех селений.

Совет решил призвать население укрепить подходы к аулам, устроить завалы, вырыть ямы, собрать камни. Здесь же на совете была выработана тактика боя: использовать рельеф местности, заманивать врага в ловушку, нападать неожиданно, устраивать засады, расчленив его конницу на мелкие отряды и лишить ее маневренности, действовать по обстоятельствам, вести постоянное наблюдение за иранцами, за движением каждого отряда и оперативно передавать информацию своим. Главное – не ввязаться в большое, генеральное сражение, не дать шаху использовать свое количественное преимущество. По самым скромным подсчетам, как подтверждают источники, у иранцев было более 50 тыс. опытных, хорошо обученных воинов. А андалалцы могли выставить от силы около 5 тыс. ополченцев, но они рассчитывали на помощь всех дагестанцев, как это случалось всегда, когда их независимости, грозила опасность.

Еще раз подчеркиваем, что на совете было решено действовать по обстоятельствам, упреждающе, координировать действия разных отрядов через связных. В селениях были созданы мелкие маневренные отряды для быстрых налетов на иранцев и провоцирования их на неподготовленное выступление в нужном для горцев направлении, где устроена засада. Детей, женщин и стариков было решено отвести в безопасные места – пещеры.

По преданию первым боевым действием андалалцев было неожиданное нападение ночью на охрану, лошадей, используя знание местности, туман и дождливую погоду. Двое чохцев – Будаи и Муса – надели волчьи шкуры и подползли к табуну. Лошади, почуяв запах волка, в панике бросились бежать и упали со скалы. Много погибло лошадей, погибли и те два смельчака.

В эту же ночь несколько человек из Обоха с трех сторон имитировали нападение, стреляли, кричали, перебегая с места на место. И большой отряд иранских воинов с конями, убегавший в «свободную» сторону, попал в тесное ущелье с обрывом, где многие нашли свой конец.

Наутро, как сказано в источнике, Тахмаз, который находился на горе Чох, послал «войска Каны-хана в Мухуб и Убух, которые они сожгли, и взял в плен несколько человек из Авар и Мукраха». Людей в этих селениях иранцы не нашли и, когда они возвращались в свой лагерь, нашли тропу в ущелье Къулаб заваленной и принялись очищать её. В это время сверху на них полетели камни, убегавших сбрасывали вниз с обрыва, добивали кинжалами. Применить оружие иранцы не смогли. Горцы, вынудив врага неожиданным нападением вступить в борьбу, отступали, заманивая его в засаду и там сражались. В аварской народной песне поется: «Лезут иранцы на горы, нет числа их ратной силе, но перед ними оживают камни, скалы и утесы. Из-за них бойцам навстречу смерть холодная несется. Загремели наши ружья, засверкали наши шашки, полились реки крови».

Существует много преданий, легенд, рассказов с указанием селений, конкретных названий местностей, связанных с событиями этих дней. Следует отметить, что многочисленных битв на Турчидаге не было, как об этом пишут. Там селений нет и зачем было андалалцам туда подниматься, чтобы сражаться на открытых больших равнинах, ровном плато.

На третий день Надир-шах видя как гибнут его воины, вводит в бой большое количество отрядов пеших и всадников, желая добиться перелома в сражении, но это не получилось – развернуться отрядам фронтом по правилам искусства ведения боя, как это было раньше в других местах, было негде, да и горцы не давали. Одновременно бои шли в разных местах – на полях чохцев, обохцев, мегебцев, сограглинцев, шитлибцев, палисминцев. Это ослабляло силы иранцев, но и небольшим отрядам горцев тоже было тяжело, потери были большие, приходилось маневрировать, одного оставить поле боя никто не смел, да и не собирався. Ополченцы не боялись смерти. Есть много примеров, когда они сознательно шли на нее, если она приносила врагу большой урон. Но горцы знали, что надо остаться в живых, освободить родную землю от врагов и наладить мирную жизнь. Все знали, что, если погибнут молодые мужчины, юноши, то погибнет их общество. Есть немало рассказов, когда на очень рискованные дела шли пожилые люди, отстранив от них молодых, и нет ни одного рассказа, предания о трусости и предательстве горцев в эти дни.

К концу третьих суток подоспела помощь – приехали и пришли отряды из аварских обществ, хунзахского ханства, кубачинцев, кайтагцев, джарцев, белоканцев, кумухцев под предводительством Муртузали, лезгин, табасаранцев, отряд из Уриба и Мукара. Как видим, по существу в разгроме воинов Надир-шаха принимали участие почти все народы нагорного Дагестана, даже народы (отряды добровольцев) из владений, чьи владельцы покорились иранскому шаху.

Шли тяжелые бои на разных землях Андалала. По существу, это была партизанская война, война народная, не утихавшая ни днем, ни ночью, рассчитанная на изматывание врага. И погода сопутствовала замыслу дагестанцев: шел холодный дождь, дороги раскисли, горы и ущелья, окутаны туманом. И горцы, хорошо знавшие местность, добивались успеха. В тяжелые минуты на помощь мужчинам приходили женщины, они участвовали в сражениях с первых дней. В песне о них говорится: «То не мужи, что для битвы родились, с колыбели приучались с врагами в жаркой схватке биться насмерть. Андалалские то девы, жены, матери и вдовы, в миг последний на подмогу в бой кровавый

поспешили. Умереть они готовы с теми, кто был дорог сердцу, только смерть подороже обошлась врагам свирепым».

И враг дрогнул, в песне поется «Опустились их руки, робость их сердца объяла. Вместе с нею смертный ужас помрачил их слабый разум. Миг еще – они пошатнулись и в беспорядке побежали вспять от Чоха все бойцы Надир-шаха. Вслед им смех несется женский, смех и радостный и звонкий». Участие женщин в Андалалском сражении – не художественный вымысел, и подтверждение тому – женские могилы на кладбищах, где по преданию и надписям на камнях (1154 г. хиджры), похоронены погибшие в битве с иранцами.

В тяжелых боях прошли четыре дня и ночи. На пятый день усилились натиск и давление горцев на иранцев, и шах решил послать три крупных отряда в трех направлениях: к Обоху – Мегебу, Чоху, Согратлю, которые – они занимали важные стратегические позиции и мешали продвижению иранских войск вперед на запад или на юг. Дагестанские отряды, заняв высоты над тропинками, устроив засады, ждали иранцев в местности Хариб (хари означает грязевая жижа, ил.), как нельзя лучше соответствующей своему названию. Хариб – это скалы, обрывы, крутые склоны с осыпающимся сланцем, узкие тропки, обрамленные боковыми выступами, это настоящий природный капкан, из него трудно выйти, если закрыть три-четыре прохода. Так случилось и с шахским отрядом, почти все его воины и их лошади нашли здесь смерть.

Другой крупный отряд был разбит на пахотных полях Канахури, Иркале, «холме, где были разбиты иранцы» и в местности Журугбек, около селения Мегеб. По свидетельству участника событий, в местности Журугбек из отряда в 6000 иранцев уцелело 600 человек. Вообще на территории Обоха и Мегеба (вокруг селений) много мест, названия которых связаны с иранским поражением. В Андалале особенно известен грот с названием МахЦарабнохо (сгнивший грот), где и поныне лежит множество человеческих костей. Сюда занесли тела погибших иранцев – их было более тысячи, так как хоронить не хватало сил. В песне «О разгроме войск Надир-шаха» говорится: «Не получившие вьюка навоза мегебские пашни были удобрены кровью иранцев»; «По не промытым дождевым потоком обохским ущельям потекла речка каджарской крови».

Третий отряд, который шел в сторону Согратля, попал в засаду в местности ХицИиб, ниже селения Обох. Дагестанцы, окружив иранцев с трех сторон, стали теснить их к обрыву. Согратлинцы применили в этом бою ядра из глины, начиненные порохом, которые, взрываясь с шумом, среди конных воинов вызывали страх и панику, беспорядочное шарахание из стороны в сторону. Горцы добились желаемого результата. Много погибло иранцев в этом сражении, к ним помощь не могла прийти, дороги были перекрыты.

Все эти дни бои шли во многих местах, дагестанцы навязали врагу свою тактику, – «войну без правил», нанося удары там, где им это было выгодно и удобно. Таким образом, как подтверждают все данные, одного большого, так сказать, генерального сражения не было.

В этот же день, когда шли бои на южном склоне горы Турчидаг, с севера на шахский лагерь, находившийся на самом плато, напали объединенные отряды цудахарцев, лакцев, акушинцев, кубачинцев. Здесь необходимо подчеркнуть роль из других аварских обществ, отрядов из многих вольных обществ разных национальностей, которые во всех боях бок о бок с андалалцами бились с врагом; они понимали важность этой победы, ее необходимость, ибо, как поется в песне:

Если каджары покорят Андалал,
Нам позора не смыть вовеки,
Если проклятый прорвется к Согратлю и Чоху
Завтра – послезавтра он будет у нас.

В Андалале против Надир-шаха сражалось поистине интернациональное войско ополченское.

Видя безрезультатность стараний воинов, крах своих надежд на успех операции в Андалале, почувствовав опасность потерять все войско и самому попасть в плен, Надир-шах начал отступление в сторону Кумуха. Отряды, которые попытались прорваться к запад, в сторону Ругуджа, были рассеяны, разбиты.

Через неделю после прихода в Андалал, потеряв за это время более 25 тысяч воинов, почти всех вьючных животных и коней, не имея провианта. Надир-шах понял, что ему не покорить Аварию и нужно побыстрее уходить, бежать, по словам секретаря Надир-шаха из этой «области несчастий», где его воины стали «добычей врага». И он бежит, при этом теряет казну, все награбленное богатство. Горцы его не преследуют. Как сказано в источнике XVIII в.: «дагестанцы не погнались за ними из Чоха и Сугурая». Здесь сказалась психологическая установка горцев: враг проиграл, он разбит и унижен, уходит. Пусть уходит, горцы отстаивали свою свободу. Отстояли очень дорогой ценой. По имеющемуся этнографическому материалу, был убит каждый третий из молодых мужчин в Андалале.

Это была очень важная победа в жизни всех народов Дагестана. В этой освободительной борьбе было совершено множество героических поступков, горцы добровольно шли на смерть ради большой цели. «Смотрящие смерти прямо в глаза дагестанцы... стояли как гранитные скалы» (Шерефетдин Эрел). Народная память сохранила имена многих людей, сыгравших большую роль в организации сопротивления, возглавивших отряды ополченцев и совершивших подвиг. Назовем некоторых из них: Гандамагомед, Харцу, Хуччу, Шамсият из Мегеба, Шагман из Обоха, Муртазали из Кумуха (сын Сурхай-хана), Пирмагомед, Чупалав, Давуд из Согратля, Мадилав и Будаи из Чоха, отряды Дайтилала и Огузилала из Хунзаха, Амирасулав и Гунаш из Ругуджа.

События этой тяжелой борьбы и великой победы отражены во многих рассказах, преданиях и легендах, воспеты в песнях, записаны современниками, описаны историками.

Анализ всего материала показывает, что единого, общего руководства, так сказать командования, у дагестанцев в этой операции не было. И быть не могло. В исторических записях, документах, этнографических материалах, фольклорных произведениях нет ни слова о руководителе, тогда как названо немало имен простых ополченцев. В каждом ауле создавались свои отряды, определялся свой цевехан – вожак, предводитель. И они действовали исходя из обстоятельств. Здесь не было общего войска, организованного ополчения, андалалцы просто изгоняли захватчика со своей земли. В этом им помогали, как могли, пришедшие из других мест добровольцы. И общего андалалского кадия с определенной духовной и светской властью не было. Все материалы, данные подтверждают, что теократическая форма управления с кадием во главе для Андалала была не возможна, очень сильны были демократические институты в обществе.

Касаясь причин поражения огромного войска, возглавляемого опытным полководцем, от ополченцев, обратим внимание на одно обстоятельство. После первого похода Надир-шаха (1734 г.) все феодальные владетели, кроме аварского хана, признали себя вассалами шаха. Историк Расул Магомедов по этому поводу пишет: «Страна была раздроблена, ханы, шамхалы и другие феодальные владетели изменили народу, и многие из них бежали к шаху». Во время второго похода (1735 г.) были разорены Кумух, Табасаран, Лезгиния, Кайтаг. Третий поход (1741 г.): покорены шамхал тарковский, уцмий кайтагский, майсум табасаранский, кадий акушинский, разорена Лакия и шамхал в плену. Не покорена Авария, и шах понимал, что, «пока Авария сохраняла независимость, ключ к Дагестану оставался вне досягаемости Надир-шаха» (Л. Локкарт). Покорялись шаху владетели, ханы, вельможи, а их поданные невольно оказывались тоже покоренными.

Другое дело в вольных обществах. В них уздени не признавали ни чьей власти, кроме власти своей совести и чести, власти родителей, власти Всевышнего. Они были

люди лично независимые, никому ничем не обязанные, свободные. Вот эту свободу и независимость они не могли терять. Считали, что их надо сохранить ценой жизни многих людей. Этим следует объяснить дух горцев в Андалале, их отчаянно смелые поступки, массовый героизм, решительность женщин, единство и готовность всех ополченцев прийти на помощь друг другу и победу над врагом. Таким образом, результаты похода Надир-шаха и Андалалского сражения можно объяснить тем, главным образом, потому, что основными действующими силами были свободные уздены нагорного Дагестана, независимые ни от хана, ни от кадия, ни от военачальника, ни от кого, кроме собственного понимания «так надо» или «так нельзя» и джамаатских адатов.

Самоотверженная борьба горцев за свою независимость и свободу против грозного и могущественного врага и яркая победа над ним породили множество памятников устного народного творчества, в которых наряду с основным мотивом конкретизируются события, ход боев, восхваляются смелость и героизм народных героев, сообщаются конкретные сведения в художественно-поэтической форме, встречается много вымысла. Эти произведения являются ценным источником при освещении событий и раскрытии противоречивых моментов истории. Следует отметить, что памятников устного народного творчества, связанных с событиями в Андалале в начале 40-х г. XVIII века, много, они как по содержанию, так и по форме существенно различаются. Каждое общество, каждое селение приспособляли текст к своим интересам, приносили изменения и дополнения в них с целью наиболее выпукло показать роль и значение своего народа, своих героев. Характерно то, что в наши дни, появляются больше вариантов этих памятников. На аварском языке сейчас известно более десяти вариантов «Песни о разгроме Надир-шаха», многие из них опубликованы. В этом плане, безусловно, важным является изучение наиболее раннего произведения, сравнение с ним последующих вариантов. Приводимое нами поэтическое сказание «Разгром Надир-шаха в Андалале» было опубликовано в книге А.А. Каспари «Покоренный Кавказ» в 1904 году в стихотворной форме, исполненной Ал. Эльским. Но ввиду выпуска его малым тиражом и давности оно стало недоступным массовому читателю.

Вот это предание:

Словно тучи в день осенний
Надвигаются иранцы.
Как на дне морском песчинок,
Сосчитать их невозможно.
Слышен рокот, словно волны
Разлились живого моря.
Разлились – вот-вот затопят
Наши горы, наши гнезда.
Блещут ратные доспехи,
Копий вырос лес дремучий –
То идут на нас афганцы,
С ними курды, турухменцы,
Посредине выступают
Силачи-мазандаранцы
Это Шахова пехота
Все с лица земли стирает!
Перед нею врассыпную,
Но готовые для битвы,
Идут стройные красавцы –
То стрелки Азербайджана.
Весь Иран на нас поднялся

Реют Шаховы знамена!
Сколько их, даже мулле
Не сочешь с утра до ночи ...
Все равнины на предгорьях
Затопили орды злые,
Во главе их всеподобный
Шах-Надыр – гроза Вселенной –
С ним Шахман, изменник подлый,
От которого и дети,
Сыновья, его любимцы
Отказались навеки.
Изгнан был Шахман презренный.
Но родимые аулы,
Ради мести за обиду
Он привел теперь иранцев,
Пусть проклято будет чрево
Что его в себе носило!
Пусть сосцы прокляты будут
Что изменника вскормили!
Пусть его презренной кровью
И кинжал не обагрится!
Пусть умрет он, как собака,
Проклинаемый в аулах!
Надвигаются иранцы.
Вот перед ними наши горы:
Топот ног людских и конских
Заглушает рев потоков.
Ой, беда, родные горы!
Как бы с места Вас иранцы
Не подвинули, чтоб в море
Побросать Вас вместе с нами!
Вот пришли. Пришли и стали.
Шах-Надыр с Шахманов подлым
Из долины смотрят зорко
На утесы, на вершины.
Говорит Надыр Шахману:
– На подоблачных высотах,
Где орлы одни летают,
Вижу я людей каких-то.
Верно, страх передо мною,
Перед моей великой силой,
Нет которой равной в свете,
Их изгнал на эти кручи!
Отвечает изменник шаху,
Потупляя очи долу:
– Нет, не страх загнал туда их
Перед твоей великой силой,
Страх сердцам их неизвестен
Битва – радость им и счастье.
Берегись, повелитель:

Там ты видишь андалальцев.
То гнездо над облаками
Не орлам приютом служит.
Чох – аул-то андалальский.
Берегись, Гроза Вселенной!
Шах-Надыр, Гроза Вселенной,
Услыхав ответ Шахмана,
Засмеялся, словно шутку
Он веселую услышал:
– Не смейся, – в ответ промолвил.
Разве есть на белом свете,
Кто противиться мне бы мог,
Повелителю Вселенной?
Сокрушу я андалальцев
Так, что память о них исчезнет!
И, сказав такое слово,
Он послал спросить их аулы:
– Что за мыши это лезут
На моих котов иранских?
И владыке полумира
Отвечали андалальцы:
– Погляди, шиит презренный,
На своих ты куропатов,
Что осмелились подняться
На орлов из Лезгистана!
И тогда вскипела битва,
Загремели наши ружья.
Засверкали наши шашки,
Полилися реки крови.
Лезут иранцы на горы,
Нет числа их ратной силе.
Но перед ними оживают
Камни, скалы и утесы.
Из-за них бойцам навстречу
Смерть холодная несется,
Но их столько, что и смерти
Подбирать их не под силу.
Добрались до нас, стеною
Стали мы живой пред ними,
И схватились грудь с грудью
Мы с иранскими бойцами.
Солнце вышло, и на солнце
Сталь каленая сверкает,
И заржавели кинжалы
От иранской подлой крови.
На горах другие горы
Поднялись высоко к небу,
То тела бойцов Надира
Павших в битве перед Чохом.
Полдень жаркий, андалальцы

Не отодвинулись ни шагу,
И стоят средь грозной сечи
Пред иранскими бойцами,
Что по воле Шах-Надира
На смерть идут неотступно.
Как гранитные утесы
Перед морским прибоем в бурю.
Но капля долбит камень!
Лишь один Аллах всемогущ,
А людским ничтожным силам
Им положены пределы!
Андалальцы все на месте –
Взад не двинулись ни шагу.
Все оставались, но немного
На ногах средь них стоящих.
Большинство легко, как ветром
В ниве сбитые колосья.
В дикой радости иранцы
Заревели словно звери!
Верх за ними остается!
Погибают андалальцы.
Ждать им помощи откуда?
Разве только от Аллаха!
Но и тот разгневан, верно,
А не то такой победы
Он отверженцам шиитам
Никогда не даровал бы!
Шах-Надыр уже ликует,
Конь под ним арабской крови.
Разукрашенный как в сказке,
Удило грызет свирепо ...
А Шахман головой поникнул:
Знать ему под броню сердца
Заползла змеею совесть,
Заползла и душу точит.
Говорит Надыр, надменно
На изменника взгляд кинув:
– Поглядим-ка мы на дерзких.
Что противиться нам смели!
Тронул он коня и скачет,
Везир скачет вслед за Шахом,
И блестящая вся свита
Потянулася за ними.
Вдруг – о, ужас – что такое?
Потемнел Надыр.
Он видит,
Что бойцам последним помощь
Из аула подоспела,
Видит, будто в пять раз больше
Стало сразу андалальцев.

И опять бой затихавший
Загорелся с силой яркой
Что за воины такие?
Место им не в жаркой сечи.
Не отточенной шашкой
Наносить им людям раны.
Нет! Не шашкой ... Поцелуем
Им разить сердца людские,
И в гаремах им любовью
Услаждать бы жизнь на свете!
То не мужи, что для битвы
Родились, с колыбели
Приучались с врагами
В жаркой схватке биться насмерть.
Андалалские то девы,
Жены, матери и вдовы
В миг последний на подмогу
В бой кровавый поспешили.
Умереть они готовы
С теми, кто был дорог сердцу.
Только б смерть их подороже
Обошлась врагам свирепым!
Блещут шашки и кинжалы
В их руках, что недавно
В праздник светлый и веселый
Бубни звонко держали,
И песня-клич свирепый
С уст срывается их нежных,
Будто смерть сама несется,
Предводительствуя ими.
Сонм ли гурий, злые ли духи
Появились столь неожиданно?
Распознать того не могут
Пораженные иранцы.
Опустились их руки,
Робость их сердца объяла.
Вместе с нею смертный ужас
Помрачил их слабый разум.
Миг еще – они пошатнулись,
Миг еще – и в беспорядке
Побежали вспять от Чоха
Все бойцы Надыр-шаха.
Надыр-шах глядит на битву
И глазам своим не верит:
Как испуганное стадо
Орды катятся от Чоха,
Побежали вспять афганцы,
Что закованы в железо,
Понеслись азербайджанцы
С наших гор быстрее ланей.

Силачи мазандаранцы
Покатилися за ними,
Курды, лазы и терхуменцы
С диким гиканьем помчались.
Удержать их невозможно
Даже Шаховых велений
Беглецы в испуге диком
На пути своем не слышат.
Вслед им смех несется женский.
Смех и радостный и звонкий;
Всемогущему Аллаху
Похвала гремит немолчно.
Со стыдом от андалальцев
Шах ушел в Иран свой бедный,
Был слабейшими руками
Посрамлен Гроза Вселенной.